

Ливенцев Дмитрий Вячеславович

аспирант

УВО «Университет управления «ТИСБИ»

г. Казань, Республика Татарстан

**ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
РЕАЛИЗАЦИИ МЕХАНИЗМА АЛЬТЕРНАТИВНОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ**

Аннотация: статья посвящена теоретическому анализу особенностей реализации альтернативной юридической ответственности. Определены причины появления новых подходов к альтернативной юридической ответственности в период революционной законности. Кроме того, автором проведены сравнительные характеристики точек зрения на проблему формирования альтернативной юридической ответственности в условиях становления советского социалистического права.

Ключевые слова: альтернативная юридическая ответственность, Российская империя, механизм реализации, Советская Россия, революционная законность.

С одной стороны, вхождение Советской России в революционную законность представляет собой явление правовой аномии, но, если вдуматься, то альтернативная юридическая ответственность вместе с механизмами ее практической реализации существовала в отечественном законодательстве и до 1917 г. Достаточно посмотреть на правовое положение членов правящего российского императорского дома, которые подлежали только личному царскому суду и не подлежали общей юрисдикции [3, с. 10]. Преимущество процессов преобразования правовой системы в России отмечает в своей научной статье Р.Ф. Степаненко [9, с. 95]. Помимо этого, оценка нравственных оснований российской правовой политики присутствует в исследованиях О.Ю. Рыбакова [7, с. 32].

Многогранность и полемичность объектно-предметной сферы нашего исследования свидетельствует о необходимости формирования нового методологического подхода к изучению рассматриваемого явления, позволяющего выявлять сущностные характеристики альтернативной юридической ответственности, что выходит за рамки сугубо догматической юридической методологии. Изучение только нормативной сферы периода революционной законности без уяснения политико-правовых особенностей данного исторического этапа развития советского государства и права, в полной мере не будет способствовать производству нового знания. Здесь требуется качественно иное методологическое обеспечение познавательного процесса, объясняющее классовый характер права того периода и выступающего научным критерием обоснования новых идей и гипотез [11, с. 34–35].

Собственно механизмы реализации альтернативной юридической ответственности в первые годы советской власти имели неразрывную связь с политическими процессами, происходившими в молодом социалистическом государстве.

В юридической науке есть несколько периодизаций периода революционной законности, носящих субъективный характер. Прежде всего, революционная законность, по мнению В.А. Рыбакова, имела место уже в первый год советской власти [6, с. 58–59]. В научной статье Р.А. Ромашова содержится характеристика революционной законности как узаконенной на государственном уровне в форме репрессии [5, с. 30]. Теоретики советского права А.А. Сольц и С.Д. Файнблит прямо указывали на то, что революционная законность представляет собой ни что иное, как карательную политику [8, с. 3–4]. Интересно, что даже В.И. Ленин в начале становления политического курса НЭПа призывал соратников по партии большевиков не связывать свои руки законом, а остаться в рамках реализации революционной законности.

В октябре 1917 г. происходит демонтаж государственной правовой системы вместе с началом законотворчества народных масс. При диктатуре пролетариата с догматичным марксистским учением при построении государственной

политики непреложной истиной стало отмирание в бесклассовом обществе будущего всех, имевших принадлежность в прошлом к эксплуататорам. Особенностью революционной законности являлось утверждение о непреодолимом классовом антагонизме [1, с. 3–4; 2, с. 3–4].

С применением «классового подхода» механизм реализации альтернативной юридической ответственности понимался как ресоциализация или социальная терапия к представителям крестьян и рабочих от наличия пережитков отмирающего капиталистического мира. Получается, что говоря о механизме реализации альтернативной юридической ответственности, сложившемся в условиях действия режима революционной законности, следует, прежде всего, сформулировать его рабочее определение, в рамках которого акцентировать внимание на особенностях субъектного состава и целевых установках применения наказания. Механизм реализации альтернативной юридической ответственности в рассматриваемый исторический период представляет собой совокупность материальных и процессуальных институтов, обеспечивающих вычленение в общем субъектном составе правонарушителей впервые совершивших правонарушения небольшой степени общественной опасности, лиц классово близких Советской власти, с последующим применением по отношению к ним наказания, имеющих основной целью перевоспитание и ресоциализацию.

Основываясь на сформулированной дефиниции, можно выделить три признака, характеризующих вышеназванный механизм:

- классовая близость выступающих от имени Советской власти правоприменителей и субъектов правонарушения;
- совершение правонарушения впервые, при условии его небольшой степени общественной опасности;
- «терапевтическая» направленность наказания, направленного, в первую очередь, на перевоспитание правонарушителя и его последующую ресоциализацию.

Революционная законность, выступая в качестве идеолого-правового режима, реализации альтернативной юридической ответственности,

предопределяла специфику как нормативного, так и компетентностного обеспечения этого процесса. При упоминании о нормативном обеспечении следует в очередной раз вспомнить о политико-правовой аномии, когда отказ от применения имперского законодательства в правоприменительной деятельности органов, осуществлявших защиту государственных интересов, сопровождался отсутствием собственного системного отраслевого законодательства. Первые отраслевые кодексы в области уголовного и гражданского права были приняты в Советской России только в 1922 г. Соответственно до их принятия основным источником правоприменительного процесса являлись революционное правосознание и классовое чутье субъектов, осуществляющих применение революционного права.

Компетентностная составляющая механизма реализации альтернативной юридической ответственности предполагала наличие определенных профессиональных компетенций у лиц, осуществляющих от имени государства применение революционного права в соответствующих отраслях регулятивно-охранительной деятельности. Вместе с тем в условиях революционной законности, когда государственная целесообразность и классовое чутье, безусловно, довели над юридической грамотностью и профессиональным опытом субъектов правоприменительной деятельности, кадровое обеспечение механизма реализации юридической ответственности в целом и альтернативной ответственности в частности, осуществлялось не по принципу профессиональной юридической компетентности, а по классовой близости, в соответствии с которым в процессе кадрового комплектования правоохранительных и судебных органов безусловный приоритет отдавался не профессиональным юристам, рассматривавшихся новой властью в качестве «буржуазных прихвостней», а коммунистам и наиболее сознательным пролетариям [1, с. 86].

В условиях, когда, с одной стороны, формирующееся Советское отраслевое законодательство характеризовалось «массовой пробельностью», а с другой стороны, в качестве субъектов применения права выступали советские граждане, у которых отсутствие юридических знаний и профессионального опыта

компенсировалось «классовым чутьем», выступавшим в качестве основного инструмента квалификации правонарушений, в которых основным оценочным критерием являлась не столько объективная сторона, выражающаяся в общественной опасности противоправного деяния, сколько классовая принадлежность привлекаемого к ответственности субъекта. В отношении «чужих» юридическая ответственность и наказание носили репрессивный характер, в свою очередь, применительно к «своим» имели место меры альтернативной ответственности и наказания, выступавшие в качестве средств «социальной терапии».

Список литературы

1. Абдурахманова И.В. Некоторые аспекты формирования образа советского правосудия в массовом правосознании 1917–1921 / И.В. Абдурахманова // Юрист-правоведь. – 2008. – №3 (28). – С. 83–87 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15266079>

2. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. – Петроград, 1918. – 16 с.

3. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. – М., 1924. – 12 с.

4. Ливенцев Д.В. Социальная ценность института юридической ответственности российской императорской фамилии в истории российской государственности / Д.В. Ливенцев // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики: материалы V Национальной научно-практической конференции (г. Казань, 26 февраля 2021 г.). – Казань: ТИСБИ, 2021. – С. 8–11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45835416>

5. Никулин В.В. От чрезвычайного права к «революционной законности» в советской правовой доктрине / В.В. Никулин // Право: история и современность. – 2020. – №4 (13). – С. 7–16.

6. Ромашов Р.А. Революционное право как форма легальной государственной репрессии / Р.А. Ромашов // Юридическая наука: история и современность. –

2017. – №8. – С. 28–32 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32502447>

7. Рыбаков В.А. Революционная законность: теоретический аспект / В.А. Рыбаков // Право и государство: теория, практика. – 2017. – №12 (156). – С. 58–62 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32847246>

8. Рыбаков О.Ю. Российская правовая политика: нравственные основания / О.Ю. Рыбаков // Нравственность и право: реальность и перспективы взаимодействия: материалы Международной научно-практической конференции. – М., 2019. – С. 30–34 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37110562>

9. Сольц А.А. Революционная законность и наша карательная политика / А.А. Сольц, С.Д. Файнблит. – М., 1925. – 126 с.

10. Степаненко Р.Ф. Особенности процессов преобразования в России начала XX века: проблемы общей теории права / Р.Ф. Степаненко // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – №3. – С. 94–99 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36239686>

11. Степаненко Р.Ф. Теоретико-методологические проблемы общеправовой концепции маргинальности / Р. Ф. Степаненко // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 153, №4. – С. 30–41 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17088419>